

Лавочник Сунь, полагая, что этот здоровяк просто решил заступиться за слабого, поспешил объяснить:

— Уважаемый, это недоразумение, всё это — недоразумение.

— Недоразумение? А мне так не кажется, — лениво усмехнулся здоровяк. Он посмотрел на сахар в руках торговца, слегка наклонился и холодно произнёс: — Ты только что сказал, что это твоё?

Давление, исходившее от него, было настолько сильным, а голос таким ледяным, что у зевак, собравшихся вокруг, по спинам пробежал холодок. Никто не смел и слова вымолвить, не говоря уже о самом лавочнике, на которого был направлен этот пронзительный взгляд.

Сам того не заметив, Сунь покрылся холодным потом.

— Нет, нет.

— Нет? — здоровяк прищурился, одной рукой опершись на плечо лавочника и заставив его развернуться лицом к толпе. — Но только что ты говорил другое! Ты сказал, что он вор, а это — товар из твоей лавки. Ну-ка, повтори перед всеми, это твой товар или нет?

Плечо было стиснуто так сильно, будто на него давила тысячекилограммовая глыба. Казалось, ещё одно усилие — и кость сломается. Лавочник Сунь не мог пошевелиться и готов был разрыдаться от боли.

— Не говоришь? — здоровяк, казалось, был нетерпелив. Он хмыкнул, и его пальцы слегка шевельнулись.

Лавочник тут же взвыл.

— А ты, оказывается, упрямец. Настоящий упрямец, который не прольёт слёз, пока не увидит гроб.

Лавочник Сунь молчал. «...» Он и не то чтобы не говорил — ему просто не давали сказать.

— Уважаемый...

Едва он произнёс два слова, как здоровяк вlepил ему пощёчину.

— Когда я велел тебе говорить, ты молчал. А теперь я тебя спрашивал?

Лавочник Сунь застыл. «...» Молчишь — бьют, говоришь — тоже бьют! Если хочешь ударить, так и скажи! Зачем эти выкрутасы?

Губы горели и болели, казалось, они совсем онемели.

Здоровяк выглядел так, что с ним лучше было не связываться. Сначала все боялись и молчали, но теперь, глядя на ошарашенное лицо лавочника Суня и его распухшие губы, кто-то не выдержал и прыснул со смеху.

Лицо лавочника побагровело. Он чувствовал себя униженным и готов был провалиться сквозь землю или просто упасть в обморок.

Цзян Сяосань до этого момента с восхищением смотрел на здоровяка, считая его невероятно крутым. Услышав смех, он тоже захихикал — звонко, заливисто, сотрясаясь всем телом. Здоровяк, услышав его чистый смех, мельком взглянул на него. Цзян Сяои поспешно прикрыл брату рот.

Здоровяк отвёл взгляд и указал на одного из мужчин, велел ему зайти в лавку и проверить, есть ли там такой сахар.

В бакалейной лавке крупные товары, занимающие много места, могли храниться в небольшом количестве. Но такие вещи, как сахар, семена и сельскохозяйственные инструменты, обычно закупались большими партиями. При оптовых закупках цена была ниже. К тому же, ни один торговец не станет ждать, пока товар закончится, чтобы пополнить запасы. Поэтому в лавке не могло быть всего несколько пачек.

Окружающие, видя состояние лавочника Суня, запоздало начали понимать, что к чему. Этот фулан и впрямь не выглядел так, будто мог позволить себе сахар. Но если бы у лавочника Суня действительно продавался такой сахар, они, живя в городе так долго, не могли бы его не видеть. Несколько женщин в толпе, которые часто покупали у Суня иголки и стельки, тут же подтвердили это.

— Наверное, нет. Я вчера как раз была в его лавке и ничего такого не видела.

— Точно не его. Лавочник Сунь сам только что признался.

— Но откуда у этого маленького фулана столько денег на сахар? — Сахар был недешёвым. Даже те, кто жил немного зажиточнее, вряд ли осмелились бы купить столько за раз.

— Какая разница, может он себе это позволить или нет? Эти деревенские хоть и бедные, но это не значит, что у них нет ни одного лян серебра. Просто они экономят.

— Это верно.

Мужчина быстро вышел из лавки. Он покачал головой и сказал, что внимательно всё осмотрел, но такого сахара в продаже не нашёл.

Несколько торговцев с соседних лотков тоже подали голос в подтверждение. Сначала они не хотели вмешиваться, чтобы не нажить врагов. Всё-таки Сунь был местным, а они — приезжие из деревни, которые часто торговали на рынке. Что если он потом начнёт им мстить? У них не было здесь ни родных, ни знакомых, и они не хотели лезть на рожон.

Но сейчас, когда кто-то уже заступился, они осмелели. Этот здоровяк был им незнаком, но его одежда и манеры говорили о том, что он не из простых людей, и связываться с ним опасно. Лавочник Сунь вряд ли осмелится что-то предпринять после этого. На всякий случай торговцы спрятались в толпе, в слепой зоне для Суня, и закричали, что Цзян Сяои с самого начала стоял у своего места и даже не заходил в лавку, а сахар достал из своей корзины. Это лавочник Сунь позарился на его товар и оклеветал его.

Теперь всем всё стало ясно.

Лавочник Сунь чувствовал, что сегодня потерял и лицо, и достоинство. Он не знал, как теперь выходить на улицу. Он стыдливо опустил голову, но здоровяк схватил его за подбородок и похлопал по щеке.

— Обижать слабых, пользуясь своим положением, весело? Клеветать и обвинять других, весело?

Не дожидаясь ответа, он ударил его кулаком.

Здоровяк выхватил у него пакеты с сахаром, сунул их в руки Цзян Сяои, а затем схватил лавочника за шиворот, поднял, как цыплёнка, и швырнул в стену.

Раздался оглушительный удар. Судя по звуку, было очень больно.

Лавочник Сунь, схватившись за живот, согнулся в приступе боли и не мог даже подняться.

Зеваки, наблюдавшие за этим, ничего не сказали. Несколько деревенских женщин, приехавших продавать яйца, даже сочли, что его наказали слишком мягко. Деревенским жителям и так жилось нелегко. Если бы сегодня никто не заступился, этот фулан, даже имея десять ртов, не смог бы оправдаться.

Мало того, что у него отобрали бы сахар, так ещё и повесили бы клеймо вора. Позор — это одно, но важнее то, что на него бы потом всю жизнь показывали пальцем. Сегодня здесь было столько людей. Если бы он снова приехал торговать, кто бы у него что-то купил? Хуже того,

если бы слухи дошли до его деревни, любая пропажа тут же вызвала бы подозрения в его адрес. А ведь дурной пример заразителен — пострадали бы и его дети.

Этот лавочник Сунь, возможно, даже не понимал, что своими словами мог довести человека до смерти.

Здоровяк отряхнул руки и уже собрался уйти, «скрыв свои заслуги и имя», как вдруг Цзян Сяосань подбежал и схватил его за одежду.

— Дядя!

Цзян Сяои вздрогнул. Цзян Сяосань только что ел пряные полоски, и его руки были жирными. Он испугался, что здоровяк разозлится и ударит его, и уже хотел извиниться, но тот остановился и, прежде чем Цзян Сяои успел что-то сказать, крепко ущипнул Цзян Сяосаня за попу.

— Ах ты, маленький негодник.

Голос его звучал не сердито, а скорее беспомощно, с ноткой «я тебя так долго терпел».

Цзян Сяои посмотрел на него с недоумением.

Здоровяк прошёл несколько шагов и, заметив, что тот всё ещё смотрит на него, раздражённо цыкнул, упёр руки в бока и крикнул на Цзян Сяои грубым голосом:

— Я тебе поражаюсь, чего уставился? Красавчиков никогда не видел?

Цзян Сяои молчал. «...» Эта бесстыдная манера казалась ему до странности знакомой. Он на мгновение замер, собираясь поблагодарить его, но здоровяк лишь хмыкнул и ушёл.

Цзян Сяосань, как зачарованный, пробежал за ним несколько шагов. Человек уже скрылся из виду, а он всё смотрел ему вслед.

— Старший брат, этот дядя такой сильный! Он такой высокий, — он показал руками, его глаза сияли. — И такой большой! Он смог поднять того злого дядю. Просто невероятно!

Цзян Сяосань сжал кулачки, нахмурился и серьёзно сказал:

— Старший брат, когда я вернусь, я буду много есть, стану таким же сильным, как тот дядя, и буду защищать тебя.

— Хорошо, — Цзян Сяои отряхнул пыль с его штанов и, глядя на его воодушевлённое личико, помедлил, но ничего не сказал.

Цзян Сяосань был очень предан ему. Он многого не понимал, но стоило кому-то обидеть старшего брата, как он, не раздумывая, бросался на его защиту. Цзян Сяои много раз говорил ему, что так его могут побить, что он ещё маленький, а старший брат сам за себя постоит, просил его больше так не делать. Цзян Сяосань каждый раз послушно кивал, обещая всё запомнить, но тут же забывал.

Сначала Лю Хуцзы, теперь лавочник Сунь — Цзян Сяосань всегда поступал так. Цзян Сяои не мог найти слов, чувствуя лишь тёплую волну в сердце.

— Тот дядя нам помог. Что Сяосань должен сделать, если мы его снова встретим?

Цзян Сяосань улыбнулся.

— Сказать «спасибо». Нужно быть вежливым, вежливых детей все любят. Дядя так быстро ушёл, я даже не успел его поблагодарить. Но, старший брат, у дяди, наверное, понос? Он так быстро шёл, почти бежал.

Цзян Сяои молчал. «...» Он невольно улыбнулся.

Зеваки разошлись. Лавочник Сунь уже поднялся и вернулся в свою лавку. Видимо, от стыда он забыл даже про свой перец. Но раз деньги были уплачены, Цзян Сяои оставил перец у его двери. Поколебавшись, он убрал сахар обратно в корзину и, взяв Цзян Сяосаня за руку, решил пойти в кондитерскую, чтобы спросить там.

Цзян Сяои никогда не видел такого белого сахара. Перед тем как идти его продавать, он спросил у Бай Цзыму, не навлечёт ли это на них беду.

Бай Цзыму ответил, что бояться нечего. В эту эпоху не было ни белого сахара, ни пластиковых пакетов, но беспокоиться не стоило. Если продавать его в городе, местные жители, даже если никогда такого не видели, из-за своего ограниченного кругозора просто решат, что это какой-то заморский деликатес. У кого хватит воображения подумать, что это вещь из другого мира?

К тому же, рис продавать было уже не с руки. Он ведь соврал, что продаёт его по одному вэню за цзинь, чтобы потом купить на вырученные деньги дешёвый неочищенный рис по несколько вэней за цзинь. Даже дурак так не поступит.

В кондитерских сахар использовался в больших количествах, но в основном они закупали его оптом из города-префектуры и никогда не брали в розницу. Поэтому, когда управляющий

услышал, что Цзян Сяои хочет продать сахар, он инстинктивно покачал головой.

Наверное, какой-то деревенский житель получил в подарок на праздник, не съел и решил обменять на деньги. Кто знает, сколько он у него лежал.

Хоть он и не собирался покупать, но, видя, что Цзян Сяои пришёл не за пирожными, управляющий не стал его прогонять и был вежлив. В лавке было немногочисленно. Увидев, как Цзян Сяосань глотает слюнки, но не просит угощения, управляющий счёл его послушным и даже подразнил. Цзян Сяои, воспользовавшись моментом, достал сахар и предложил ему взглянуть, сказав, что сахар очень хороший.

...

Цзян Сяоэр только что проснулся. С растрёпанными волосами он сидел на кровати и, вытянув шею, смотрел на улицу.

«Почему старшего брата и младшего брата сегодня так долго нет? Они что, заблудились?»

В этот момент в комнату вприпрыжку вбежал Цзян Сяосань.

— Второй брат!

Цзян Сяоэр, тут же забыв о своей унылости, оживился.

— Младший брат!

В руках у Цзян Сяосаня были два пирожных с османтусом. Их дал ему управляющий кондитерской. За шесть цзиней сахара тот, не обманув, дал тысячу триста вэней. Цзян Сяои был очень рад, управляющий — тоже, и даже угостил Цзян Сяосаня двумя пирожными. Мальчик всю дорогу не решался их съесть, спеша домой, чтобы поделиться с Цзян Сяоэром.

Он уже собирался ворваться в комнату, но Цзян Сяои остановил его и велел сначала вымыть руки.

Цзян Сяоэр только что после уколов и сам кое-как оделся, но одежда сидела на нём криво. Цзян Сяои подошёл, чтобы поправить её, и, приблизившись, уловил слабый знакомый аромат.

Цзян Сяои замер.

Сегодня он дал Цзян Сяоэру молочную конфету, а не пряную полоску. Эта комната находилась рядом с кухней, где аптечный ученик часто готовил отвары, поэтому в ней неизбежно витал

запах лекарств. Но сейчас в комнате пахло чем-то, напоминающим разбавленный аромат пряных полосок.

Цзян Сяои, следуя за запахом, повернул голову и обнаружил, что он исходит от Бай Цыму.

— Старший брат! — закричал Цзян Сяосань, вбегая в комнату и протягивая ручки. — Старший брат, я вымыл руки!

Цзян Сяои кивнул и, подавив удивление, развернул промасленную бумагу и достал пирожные с османтусом.

Пирожные были сладкими и ароматными. Два маленьких сорванца никогда такого не ели и были в восторге. Цзян Сяои съел два кусочка, которые ему протянули, и сказал, что больше не хочет.

Цзян Сяосань, увидев, что брат пошёл на улицу платить, тут же подбежал к Бай Цыму и прижался к краю кровати.

— Мишка, ешь пирожное, оно такое ароматное.

Бай Цыму покачал головой. Когда он был медведем, он не любил человеческую еду.

Цзян Сяосань нахмурился.

— Мишка, это нехорошо!

Он считал, что Мишка слишком привередлив. То не ест, это не ест. Привередливые дети не растут. С медведями, видимо, так же.

Цзян Сяосань посмотрел на пирожное в своей руке и подумал, может, Мишка никогда не пробовал пирожных с османтусом и поэтому не знает, какие они вкусные?

Раньше, во время посадки риса, когда в доме старшего дяди не хватало рук, Цзян Сяои и отец Цзян ходили помогать. Сын второго дяди, Чжу-гэ'эр, собирая траву для свиней, нарвал в горах китайской туны, и вечером жена второго дяди пожарила её с яйцами.

Запах туны был немного резким, и Цзян Сяосань тогда чуть не стошнило. Но жена второго дяди настояла, положив ему в миску и сказав попробовать, уверяя, что это очень вкусно. Цзян Сяосань, увидев яйца, не удержался и попробовал. Оказалось очень вкусно.

Может, с Мишкой так же?

Цзян Сяосань посмотрел на Бай Цыму, потом на пирожное в руке. Его не очень сообразительная головка поработала немного, и через мгновение он, скинув обувь, босиком залез на кровать, навалился на Бай Цыму, одной рукой пытаясь разжать ему пасть, а другой — засунуть пирожное в рот, чтобы тот попробовал.

Бай Цыму молчал. «...» Что опять задумал этот несносный ребёнок?

— Мишка, попробуй! Всего один кусочек, это очень вкусно, — Цзян Сяосань прижимал его к кровати. Он лежал лицом вниз, и две сопливые дорожки свисали из его носа. Бай Цыму смотрел, как эти две прозрачные капли раскачиваются из стороны в сторону, словно на дискотеке, приближаясь всё ближе и ближе. У него волосы встали дыбом, к горлу подступила тошнота, и вчерашние бамбуковые побеги уже были на подходе. Он начал отчаянно вырываться.

— Мишка, открой рот! Всего один кусочек, — продолжал кричать Цзян Сяосань. Сейчас он походил на распутного молодого господина, принуждающего красавицу. Красавица уже побледнела от страха, а он всё требовал, чтобы она ему улыбнулась.

Бай Цыму готов был разрыдаться. Разве он мог открыть рот? А если сопли упадут ему в рот? Это же будет до смерти отвратительно! Иногда чрезмерная любовь и забота детей — не такая уж и хорошая вещь! Почему Цзян Сяосань не может подумать о себе и съесть всё сам? Ничего страшного в этом нет!

Бай Цыму готов был его прибить.

Цзян Сяоэр, видя, как сильно дёргается Бай Цыму, даже встал, чтобы помочь. Глядя, как сопли приближаются всё ближе, Бай Цыму почувствовал, как у него зашевелились волосы на голове. Он позеленел от злости и, не выдержав, закричал:

— Цзян Сяосань, ты маленький негодник, отпусти сейчас же! Иначе я тебе задницу надеру!

Пирожное с глухим стуком упало на пол.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань замерли. Они потеряли дар речи и лишь ошарашенно смотрели на Бай Цыму.

Прошло довольно много времени, прежде чем Цзян Сяосань поднял руку, вытер нос и, не сводя глаз с Бай Цыму, сказал:

— Второй брат, мне кажется, я только что слышал, как Мишка говорил.

Цзян Сяоэр моргнул.

— Угу, мне тоже так показалось.

Дети переглянулись и тут же придвинулись к Бай Цзыму. Они не испугались, а наоборот, были взволнованы и возбуждены. Их глаза сияли так ярко, что если бы сюда пришёл Хоу И, он бы, наверное, выпустил стрелу, прежде чем уйти.

— Мишка, ты умеешь говорить? Умеешь? Скажи ещё что-нибудь.

Их голоса были полны нескрываемого ожидания.

Бай Цзыму молчал.

Как только он закричал, тут же пожалел. Он боялся, что эти два маленьких негодника напугаются и обмочатся, особенно Цзян Сяоэр. Если тот от испуга умрёт на месте, на нём будет тяжкий грех.

Но кто бы мог подумать, что эти двое, хоть и маленькие, окажутся такими смелыми.

Всё же лучше было не раскрывать себя.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань долго расспрашивали его, но, не получив ответа, почесали в затылках, находя всё это очень странным.

Когда вернулся Цзян Сяои, дети рассказали ему о случившемся. Цзян Сяои украдкой взглянул на Бай Цзыму, тот поспешно подмигнул ему. Цзян Сяои всё понял и тут же начал обманывать своих младших братьев.

— Вы ослышались. Это Мишка пукнул.

Бай Цзыму молчал. «...» Почему-то ему казалось, что в этих словах есть какой-то подвох. Неужели Цзян Сяои намекает, что его слова — как пук?

— Не-не-не, — Цзян Сяоэр яростно замотал головой, считая, что старший брат говорит что-то не то. — Старший брат, пук — это «пум-пум», а разговор — это «бла-бла-бла», это не одно и то же.

Цзян Сяои, не меняя выражения лица, сказал:

— Это не одно и то же, но вы ещё маленькие, а у маленьких детей слух часто бывает плохим, поэтому вы и ослышались.

«...» Бай Цзыму готов был закатить глаза. Этот гэ'эр так неумело врал. Такому вранью даже привидение не поверит. Неужели он считает своих братьев дураками?

Однако Цзян Сяоэр, словно прозрев, принял это на веру.

— Старший брат говорит очень разумно! Младший брат, это мы ослышались. У стариков слух плохой, и у маленьких детей тоже.

— Точно, — громко согласился Цзян Сяосань.

Бай Цзыму молчал. «...» Он был в полном восторге. Оказывается, дурак не только Цзян Сяосань, но и Цзян Сяоэр. Этот Сяоэр и так слаб здоровьем, да ещё и с головой не дружит. Совсем дело труба. Придётся ему в будущем о нём побольше заботиться.

Выйдя из лечебницы, Цзян Сяои не пошёл сразу домой, а заглянул в мануфактуру. Долго выбирая, он наконец остановился на ткани гусино-жёлтого цвета. Ткань была хорошего качества, и хоть он купил совсем немного, это обошлось ему более чем в тридцать вэней.

Гэ'эр Ван недавно родил мальчика, и семья старосты была очень рада. До этого у его старшего и второго сыновей рождались только девочки, целых пять, и ни одного наследника. Староста, конечно, их тоже любил, но в деревне так было принято — сыновей ценили больше.

Семья старосты много лет помогала им. В день рождения ребёнка они прислали им четыре красных яйца. Теперь, когда у Цзян Сяои появились деньги, он решил сделать ответный подарок.

Несколько дней назад он отдал старую ткань двоюродной бабушке, чтобы та сшила из неё маленькие башмачки. Но ткань эта была куплена отцом Цзяном много лет назад для Хуан Сюлянь, и качество её было не очень хорошим, грубоватым. Взрослым носить было нормально, но у ребёнка кожа нежная, и он боялся, что она будет натирать. Вчера Бай Цзыму сказал, что если он продаст сахар, то деньги может оставить себе. Цзян Сяои решил купить хорошей ткани, чтобы обшить старые башмачки. Так они будут и удобнее, и красивее.

Тридцать вэней — это дорого, но экономить на таком нельзя. Подарки нужно делать от души.

Цзян Сяои с болью в сердце заплатил деньги и, взяв Цзян Сяосаня за руку, собрался уходить. В это время со второго этажа поспешно сбежала женщина и окликнула его.

— Сяои.

Цзян Сяои остановился, его лицо тут же помрачнело.

<http://bllate.org/book/13701/1588003>